

Николай Манвелов

ГВАРДИИ КАМЧАТКА

«Итак, война – это акт насилия, имеющий целью
заставить противника выполнить нашу волю...»

Клаузевиц

ПЯТЫЙ РИМ

Николай Манвелов
Гвардии Камчатка

Издательство «Пятый Рим»

2019

УДК 355.442.2
ББК 63.3(2)522

Манвелов Н. В.

Гвардии Камчатка / Н. В. Манвелов — Издательство «Пятый Рим», 2019

ISBN 978-5-9500938-1-4

В военной истории любой страны есть статусные события и битвы, а есть такие, о которых никто толком не знает. Возьмем, к примеру, Крымскую войну 1853–1856 годов. Все знают про героическую оборону Севастополя и Синопское сражение. Многие в курсе о взятии Карса. Кому-то известно про оборону крепостей Бомарзунд, Свеаборг и Соловецкого монастыря. Но мало кто даже слышал о том, что одна из немногих безоговорочных побед России над соединенными силами армии и флота была одержана на далекой Камчатке. Без всякой надежды на помощь из центра России, при остром недостатке личного состава, артиллерии и боеприпасов гарнизон Петропавловска (ныне — Петропавловск-Камчатский) отбил нападение превосходящих сил англичан и французов. Новая книга известного историка Российского Императорского флота Николая Манвелова рассказывает о подвиге, совершенном защитниками Петропавловска. Автор опровергает массу легенд, которые сложились за многие годы вокруг героической обороны. Замысел этой книги родился в ходе работы над сценарием фильма Валдиса Пельша «Гвардии Камчатка». В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 355.442.2

ББК 63.3(2)522

ISBN 978-5-9500938-1-4

© Манвелов Н. В., 2019

© Издательство «Пятый Рим», 2019

Содержание

Предисловие автора	7
Задворки империи	8
Региональный центр и база снабжения	14
Причины войны	21
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Николай Владимирович Манвелов

Гвардии Камчатка

© Манвелов Н. В., 2019

© Издательство «Пятый Рим»™, 2019

© ООО «Бестселлер», 2019

Предисловие автора

К идее написания этой книги автора привели две причины.

Первая – работа над фильмом «Гвардии Камчатка» в качестве исторического консультанта. Через мои руки прошло огромное количество архивной, мемуарной и визуальной информации, записать которую в ящиках стола, на полках шкафов и в папках компьютера было бы крайне расточительно. И я очень благодарен продюсерам фильма – Валдису Пельшу и Елене Потаниной – за то, что они таким образом способствовали написанию этого труда, а позже поддерживали меня в работе.

Вторая причина – интерес к этой теме главного редактора издательства «Пятый Рим» Григория Пернавского, который еще в самом начале работы над фильмом сказал, что издательство готово напечатать такую книгу. Григорий был крайне настойчив, пришлось смириться.

Почему же книга посвящена именно обороне Петропавловска-Камчатского (на тот момент – просто Петропавловска) в августе 1854 года? Дело в том, что этот эпизод Восточной (Крымской) войны 1853–1856 годов является, по сути, единственной победой русского оружия против иностранных держав на Дальнем Востоке за всю историю Российской империи. Что же касается соотношения сил, то сравниться с Петропавловском 1854 года может только подвиг прапорщика полевой пешей артиллерии Александра Щеголева, способствовавшего отражению от Одессы союзной англо-французской эскадры десятого апреля 1854 года.

Нельзя сказать, что про оборону Петропавловска написано мало. Другое дело, что различные авторы опираются на различные источники, не всегда соотнося их друг с другом.

Отдельно стоит сказать о большом количестве легенд, которые связаны с нашим событием. Часть из них не выдерживает никакой критики, часть требует изучения, часть базируется на реальных фактах. На страницах книги сделана попытка проанализировать некоторые из этих преданий.

Автору хотелось бы выразить искреннюю благодарность еще двум моим коллегам, без которых написание книги было бы невозможно.

Прежде всего это начальник отдела информационного обслуживания и выставочной деятельности РГА ВМФ России Алексей Емелин, который оказал мне неоценимую помощь в поиске необходимых материалов, включая иллюстративные.

Отдельная благодарность блогеру Сергею Сигачеву, известному под ником Перископ. Благодаря Сергею я смог лучше разобраться в географии Петропавловска, менявшейся от столетия к столетию, а также получил немало интересных зарисовок, касающихся исторической памяти на Камчатке. Часть фотографий в этой книге также принадлежит ему.

Все даты, касающиеся Российской империи, даны по старому стилю.

При цитировании старых документов и воспоминаний, особенности орфографии, пунктуации и стиля оставлены без изменений.

Задворки империи

К середине XIX века российский Дальний Восток представлял собой довольно пустынное пространство с относительно небольшим количеством населенных пунктов. Городами и городками считались небольшие поселения Петропавловск (о нем мы подробно поговорим в следующей главе), Аян (950 жителей на 1855 год), Большерецк (447 человек на 1854 год), Охотск (957 жителей на 1855 год), Гижига, Тигиль и Нижнекамчатск (242 жителя на 1852 год), которые больше смахивали на крупные села.

Вот, например, как выглядела в начале XIX века крепость Тигиль, которую в 1810 году посетил русский кругосветный мореплаватель Василий Головин:

«В крепости есть старинная деревянная церковь, дом начальника, во всем подобный находящемуся в Петропавловской гавани, несколько амбаров и казармы, а около крепости рассеяны кое-где несколько десятков обывательских домиков и избушек. Жители же здешние состоят из мещан, отставных унтер-офицеров, солдат и казаков».

Василий Головин

Впрочем, крепостью данное сооружение назвать было уже довольно сложно. Деревоземляное укрепление было возведено в начале 1750-х годов и с тех пор только «поновлялось».

Вместо стен оно имело так называемый *палисад*¹, окружавший территорию около 2,5 тысяч квадратных метров. По углам стояли пушки. Внутри стен располагалась церковь, присутственные места, казармы, а также склады для пушнины, которую местные власти собирали в качестве натурального налога-ясака с местных жителей.

По сути, власть в огромном регионе опиралась на небольшое количество гарнизонов, практически не связанных между собой. Вся система укреплений и их качество напоминали Белогорскую крепость, описанную в повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка». Образно говоря, это был некий чемодан без ручки, который, как известно, нести тяжело, а бросить – жалко. Контролировать огромные пространства Русского Дальнего Востока было невероятно сложно, а зачастую – невозможно.

Флота в северной части Тихого океана у России также практически не было. Сообщение между различными пунктами поддерживалось немногочисленными парусными транспортом, которые часто терпели кораблекрушения из-за неточности карт².

Так, в первой половине XIX века все шесть построенных в Охотском адмиралтействе бригов («Михаил», «Елисавета», «Екатерина», «Александр», «Николай» и «Камчатка») погибли в результате навигационных ошибок либо штормов. Кроме того, были потеряны два бота («Кадьяк» и «Ангара»), два галиота («Святой Николай» и «Охотск») и два транспорта («Охотск» и «Гижига»).

Даже Охотское море за Курильской грядой было настолько плохо описано гидрографами, что проход крупных кораблей в эти места был чреват катастрофическими последствиями. И это несмотря на то, что русские плавали в Охотском море уже более 150 лет...

Судостроительная база на востоке Российской империи была весьма слабой. Представлена она была уже знакомым нам Охотским адмиралтейством, действовавшим с 1732 по 1849 год и строившим только малые суда. Располагалось оно на реке Охота в городе Охотске.

Дело дошло до того, что в 1840-х годах император Николай Первый принял решение направлять в высокие широты Тихого океана по фрегату, задачей которого было бы утверждение российской власти в собственных владениях...

Вполне естественно, что такая ситуация привлекала в Северную часть Тихого океана множество охотников за деньгами и приключениями. Тем более что недостатка не было ни в одном, ни в другом. Один только промысел китов в северной части Тихого океана позволил в 1848–1861 годах добыть жира на 130 миллионов долларов. И эти цифры отражают деятельность лишь американских китобоев, причем являются сугубо оценочными.

Для сравнения – в 1867 году правительство Российской империи продаст Северо-Американским Соединенным Штатам свои владения в Северной Америке за гораздо меньшую сумму – 7,2 миллиона долларов золотом...

Известно, что ежегодно в российских водах китов били не менее 250 иностранных судов, бороться с бесчинством которых крайне немногочисленные русские военно-морские силы были неспособны. Только в 1842 году, по явно неполным официальным данным и только под флагом США, в этих местах промыслили до 200 китобойцев.

Пользуясь практически полным отсутствием контроля со стороны правительств держав, которым принадлежали данные земли, китобойи вели себя подобно викингам времен «темных веков» Средневековья.

Об отношении коренного населения к иностранным китобоям и промышленникам хорошо говорит рапорт мичмана 46-го флотского экипажа Николая Бошняка с острова Сахалин:

¹ Палисадом в отчетных документах могли назвать и обычный частокол.

² Необходимо отметить, что приводимые ниже данные по потерям судов на Дальнем Востоке могут быть неполными из-за отсутствия достаточного количества информации.

«Относительно посещения этих мест иностранцами, то западные берега посещаются китоловами, и страх жителей к судам так велик, что где я не проезжал, везде меня спрашивали с заметным беспокойством, не придет ли на будущий год судно. Это, вероятно, происходит от бесчинств, производимых на этих берегах экипажами китоловных судов».

А кроме китов в тех местах добывали моржей и морских котиков, тюленей и каланов, соболей. И сколько их добыли за десятки лет бесконтрольной охоты – одному Богу известно. До описанных Редьярдом Киплингом времен было еще очень далеко:

*Свинцом и сталью подтвержден, закон Сибири скор.
Не смейте котиков стрелять у русских Командор!..
(Ибо русский закон суров – лучше пуле подставить грудь,
Чем заживо кости сгноить в рудниках, где роют свинец и ртуть.)*

В течение года в одной только Камчатской области добывали свыше 9 тысяч шкур соболя, норки, росوماхи, горноста, ласки... Пушной промысел обеспечивал стабильное пополнение государственной казны и делал Империю монополистом.

Неслучайно, начиная с Крузенштерна, все кругосветные экспедиции заходили в Петропавловск, и коммерческий груз, который они принимали на борт, позволял не только окупить все путешествие, но сделать его прибыльным.

Официальный Санкт-Петербург между тем прекрасно понимал, насколько доходными были его владения. Простой пример. Шкурка калана, проданная в Европе, позволяла содержать двух-трех солдат в течение года.

Вот только на Камчатке это сказывалось мало.

Так, в 1823 году доходы империи от Камчатки составили 31 341 рубль 13 с половиной копеек, а расходы – 67 218 рублей 42 с половиной копейки. Ясака в год собирали 2766 рублей 16 с четвертью копеек. Как видим, экономическое значение огромного региона было весьма сомнительным.

Сельское хозяйство на Камчатке было на довольно низком уровне.

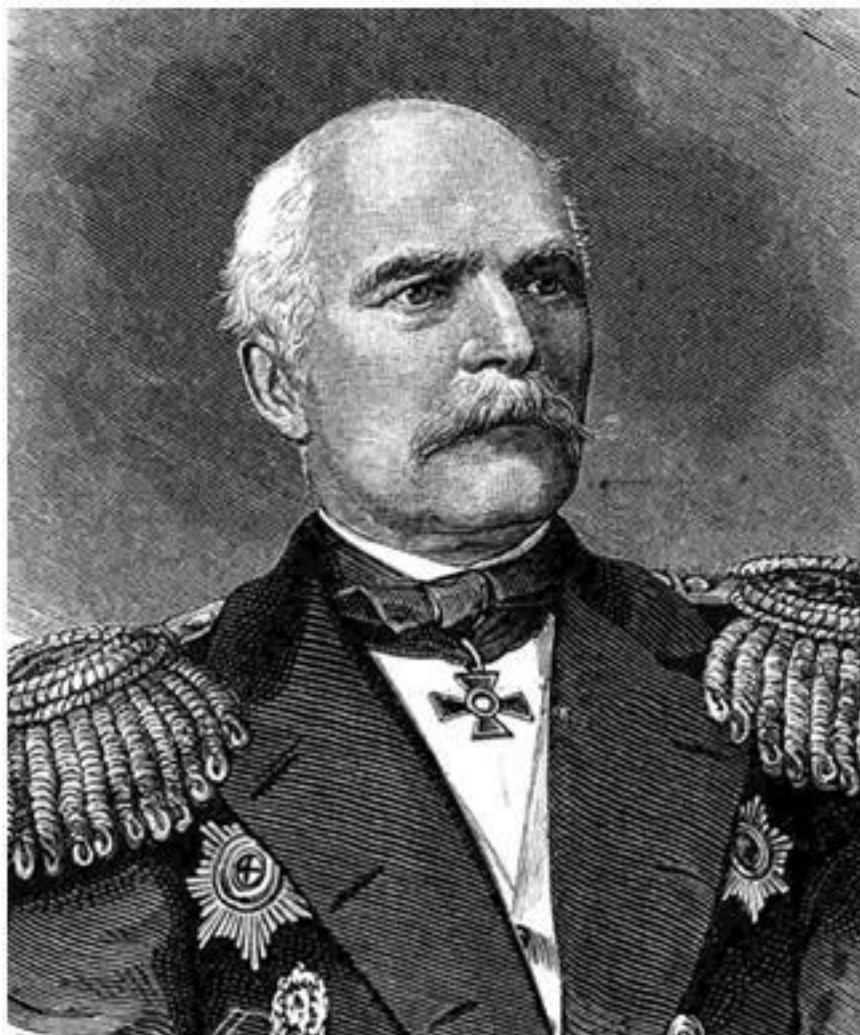
«Хлебопашество даже в обширной долине по реке Камчатке неблагонадежно, и главное затруднение составляет иней, падающий внезапно во время лета. При Великой Императрице Екатерине II отправлено было сюда несколько крестьянских семей с рогатым скотом, лошадьми и разными необходимыми потребностями. Этих крестьян поселили в двух деревнях по реке Камчатке; у ее устья – Минькова, а другая, Ключевская, у подошвы Сопки (того-же названия). Хлеб сначала у них родился довольно хорошо, но впоследствии эти переселенцы, приняв обычаи страны, нашли более выгодным пушной промысел.

Огородные овощи здесь рождаются в изобилии и замечательны по своей величине; к ним нужно присоединить разные питательные травы и корни.

Равнины по берегам рек изобилуют травой выше роста человеческого; случается, что в одно лето косят по три раза. По известиям 1850 года на полуострове было до 800 лошадей и 1,900 голов рогатого скота», – отмечал автор книги о Камчатке, написанной в середине 1850-х годов.

Поскольку желающих ехать на Камчатку по своей воле было немного, правительство старалось заинтересовать офицеров и чиновников различными льготами. Так, очень часто практиковалось досрочное производство в следующий чин, а также установление более высоких, чем «на материке», окладов жалования.

Любопытная деталь – доставка грузов из России на Дальний Восток обходилась гораздо дешевле морем вокруг света, нежели сухопутными путями по территории Российской империи. Причина была в том, что товары не требовалось перегружать и отсутствовала зависимость от бездорожья.

Геннадий Невельской

Впрочем, чиновники часто старались отправлять на Восток товары не лучшего качества, ссылаясь на то, что иного там все равно нет. И если офицер, командовавший транспортом, вступал в споры и требовал проверки состояния груза, то это очень часто приводило к тому, что выход корабля из Кронштадта по назначению задерживался на неопределенный срок.

Вот что писал об этом будущий адмирал Геннадий Невельской, назначенный командовать транспортом «Байкал»:

«Я твердо, во что бы то ни стало, положил себе устроить так, чтобы приемщики мои сами за все отвечали, несмотря на желание начальства отправить в столь отдаленный край самое лучшее, держать вскоренившейся пословицы: «Ведь все это на Камчатку и в Охотск, за 10 тысяч верст, и тем будьте довольны, что привезут, да и куда же нам, дескать, и сбыть худое – здесь на глазок не примут, и попадешься!»

А Иван Крузенштерн отмечает, что после каждого прихода судна снабжения цены на ряд товаров в Петропавловске падали в разы:

«По прибытии нашем в Петропавловск скоро заметили мы великую перемену в одеянии тамошних жителей, а особливо женского пола. Камчатку можно было бы удобно снабжать всем с изобилием, если бы посылать туда ежегодно один корабль из какого-либо Европейского Российского порта. Цены всех нужных вещей понизились бы многими сотнями процентов. По

прибытии нашем вдруг упала цена кизлярской³ водки с почти на 6 рублей за штоф, сахара с 7 на 1½ рубля за фунт.

Места северо-восточной Сибири могли бы в таком случае получать из Петропавловска некоторые товары, а особливо иностранные, гораздо удобнее и дешевле, нежели как-то производится ныне доставлением оных столь дальним и трудным сухим путем».

Вот что пишет еще мореплаватель о наливствовавшем в городе продовольствии и ценах на него:

«Я намерен означить здесь цены товаров, привозимых в Камчатку из Охотска, которых, однако и за великие деньги получить иногда невозможно. Ведро весьма худой фруктовой водки стоило до прибытия нашего 160, следовательно, штоф 20 рублей⁴. Сия цена недавно была утверждена, прежде продавалось ведро горячего вина свыше 300 рублей как то показано в донесении губернатора генерала Кошелева к государю императору. Фунт сахару стоит обыкновенно от 4 до 5, но часто платили и по 7 рублей. Фунт коровьего масла 1½ рубля, мыла и свеч редко ниже 2-х рублей; а табак до 5 рублей; прочие необходимые в хозяйстве потребности продаются в соразмерной дороговизне⁵; но при всем том самонужнейшие потребности и с деньгами редко достать можно. Ром, французская водка⁶, виноградное вино, кофе, пряности, уксус, горчица, деревянное масло⁷, сарачинское пшено⁸, хорошая пшеничная мука, коровье масло и другие сим подобные вещи, которые и в самобеднейшем городке России продаются, не привозятся никогда в Камчатку для продажи; сукна и других материй для платья, выключая толстый холст, шелковые платки и синюю китайку, нет вовсе. Офицеры выписывают обыкновенно для себя сукно и все прочее, принадлежащее к мундиру, из Иркутска, что обходится им весьма дорого.

Черной хлеб и рыба без всякой приправы, без уксусу, хрену, перцу и даже без соли составляют все, что как офицер, так и солдат ставят на стол свой. О перемене в пищах и помышлять не можно!»

Стоит сказать, что климат Камчатки для европейца был достаточно суровым. Вот что писал французский морской офицер в середине 1850-х годов об условиях плавания в районе полуострова:

«По мере приближения эскадры к Северу с каждым днем плавание становилось труднее по причине быстрого перехода от теплой температуры тропиков к холоду этих негостеприимных морей. Постоянные густые туманы заставляли нас бояться разлучения. Случалось судам по отдельным дням не видеть друг друга, как бы близко не держались они между собою. Барабаны, рожки и звон колокола возвещали об опасности столкновения, а также и пушечные выстрелы своим порядком и в известные промежутки времени определяли места судов... Трудно было поверить, что мы находились на параллели, южнее парижской...

Взглянув на карту всего света и сравнивая полуостров Камчатку с Британскими островами, не без удивления видишь между этими странами сходство в географическом положении и даже в наружном виде; но во всех других отношениях нет никакого сходства. С одной стороны бесчисленные корабли богатейшей на земном шаре морской торговли и 25 000 000 жителей, питающихся произведениями плодородной почвы; с другой – земля бесплодная, покрытая

³ Виноградной.

⁴ По представлению моему взято было для Камчатки и Кадыка из Ревеля 1000 ведер чистого водочного спирта, которой, смешанный пополам с водою, был для питья довольно крепок. Ведро одного стоило в Ревеле 4 рубля; но в Камчатке продали по 48 рублей, и сия цена найдена столь низкою, что все количество раскуплено в короткое время. (Примечание Крузенштерна.)

⁵ «В 1786 году стоил даже в Охотске, где жизненные потребности гораздо дешевле, нежели в Камчатке, один пуд коровьего масла 30 рублей, пуд крупы 7, пшеничной муки 10 рублей». (Примечание Крузенштерна.)

⁶ Коньяк.

⁷ Оливковое масло низкого сорта.

⁸ Рис.

снегом в продолжении 8 месяцев и немогущая удовлетворить нуждам нескольких тысяч обитателей, которые ведут здесь бедную жизнь. Обе страны находятся в одной широте; достаточно западного ветра, который так благодетелен у нас в Западной Европе, чтобы произвести плодородие там, где он дует, напитанный парами Атлантического океана, или напротив, постоянное бесплодие там, куда он достигает, лишенный влажности во время своего прохода по Сибирским равнинам».

Региональный центр и база снабжения

Петропавловск – столица и крупнейший город Камчатки – был не только центром области. Это был один из крупнейших перевалочных пунктов и баз снабжения Российско-Американской компании, управлявшей так называемой «Русской Америкой», которую у нас часто принято называть просто Аляской.

Российско-Американская компания⁹, основанная в 1799 году императором Павлом Первым, представляла собой институт, автономный от российских властей на Дальнем Востоке. Формально территория, подконтрольная Компании, не входила в состав Российской империи, что в годы Восточной войны сыграло положительную роль. Боевые действия на территории Русской Америки не велись, хотя захватить ее владения противнику не составило бы особого труда.

Но вернемся несколько назад.

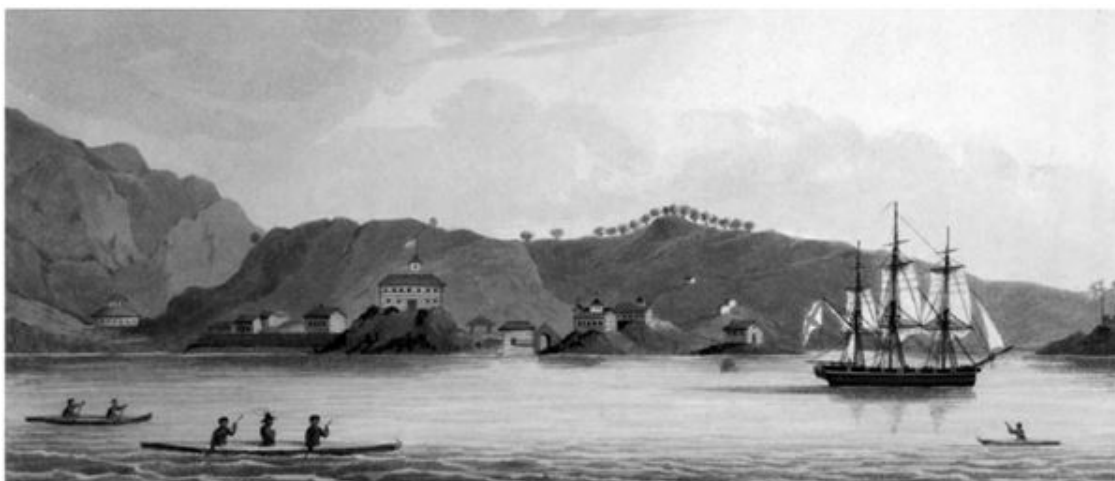
Флаг Российско-Американской компании

Главной задачей компании была монопольная эксплуатация природных богатств Аляски¹⁰, для чего строились фактории, основывались населенные пункты, число которых к началу 1820-х годов выросло до пятнадцати. Столицей Русской Америки был город Новоархангельск (на языке местных жителей – Ситха, современная Ситка), где имелись театр, библиотека и астрономическая обсерватория.

---

⁹ Официальное название – «Под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством Российская Американская Компания».

¹⁰ На самом деле полуостров Аляска является лишь небольшой частью Русской Америки и современного штата Аляска США.

Русский шлюп «Нева» в Новоархангельске (Ситхе)

На территории, подконтрольной Компании, колонисты и местные индейцы занимались сельским хозяйством (хотя и без особого успеха), вели добычу в скромных количествах угля, меди, золота, слюды, железной руды. Работали небольшие промышленные предприятия и судостроительные верфи. В целом же благополучие огромной территории целиком и полностью зависело от материковой части империи, откуда поступало продовольствие и основная часть необходимых для жизни вещей. В ответ в Россию шли меха и иные богатства Аляски, за которыми из Кронштадта снаряжали кругосветные экспедиции.

Постепенно одним из главных центров снабжения владений компании стал Петропавловск, на тот момент небольшой городок на побережье Авачинской губы. С 1804 года в поселении существовал склад Российско-Американской компании, деятельность которого контролировал особый комиссионер.

Надо сказать, что собственно Камчатка компанию интересовала совсем мало – все попытки обязать ее менеджмент хоть как-то заботиться о своем главном перевалочном пункте чаще всего оканчивались крахом.

Приведем лишь один пример.

В 1807 году в Иркутске были закуплены 500 пудов¹¹ различных семян, которые предполагалось использовать для развития хлебопашества. Посевной материал упаковали в 198 деревянных ящиков, из которых на Камчатку были доставлены... восемь! Остальные же попросту бросили «на якутской дороге» – началась распутица, и дальнейшая перевозка стала невозможной. Вот и путешествовали 190 ящиков с семенами аж до 1810 года, когда последние места груза добрались до полуострова.

«Хлеб от сырости воздуха морского, от коего и деревянные ящики защищать его не могли, приходил в порчу и на посев делался неспособным», – горестно рапортовали местные власти.

Кончилось дело тем, что правительство империи в 1828 году разрешило сроком на десять лет иностранцам торговать на Камчатке всем, кроме алкоголя. Впоследствии разрешение было продлено, однако эпоха расцвета торговли на полуострове так и не наступила. Заезжие коммерсанты не видели особой выгоды от торговли в малонаселенном и бедном регионе на отшибе Российской империи.

Вот как описывал Авачинскую бухту начала 1850-х годов геолог и географ Карл фон Дитмар, назначенный в 1850 году чиновником по особым поручениям при военном губернаторе Камчатской области:

¹¹ Около восьми тонн.

«В четыре часа утра мы увидели уже вдали огонек маяка¹², на который прямо и держали. Слева показался острый конус Вилучинской сопки и остров Старичков, а справа – великолепный вулканический презубец: Коряка¹³, Авача¹⁴ и Козел¹⁵. Вскоре появился и тесный, окруженный высокими, отвесными скалами вход в Авачинскую бухту. Здесь приветствовал нас кит со своим брызжащим фонтаном. Затем мы вошли в своего рода Дарданеллы, образуемые входом в бухту, имея по бокам выступающие из воды, отделившиеся от берега каменные колоссы – слева Бабушкин камень, справа – Три Брата. Наконец, в семь часов мы вошли в прекрасный, обширный Авачинский залив и в 8 часов утра бросили якорь в маленькой бухте Св. Петра и Павла».

Петропавловск получил статус города только в 1812 году, а до того числился селением. Это совпало с выходом «Нового положения о Камчатке», по которому полуостров получил особый статус и отдельного начальника. Столицей региона и стал Петропавловск.

Второго декабря 1849 года Петропавловск был объявлен центром вновь образованной Камчатской области. Официальное население города было между тем невелико и менялось от десятилетия к десятилетию – в 1825 году оно составляло 938 человек, в 1840 году – 641 человека, 1852 году – 1594 жителя, включая 1178 мужчин и 416 женщин. Город лежал на одной широте с Бременом, Орлом, Ливерпулем и Иркутском.

С высоты птичьего полета, по словам Дитмара, город выглядел следующим образом:

«Дно упомянутой небольшой долины начинается прямо у подошвы Меженной горы¹⁶ таким сильным вдавлением, что здесь образовалось небольшое озеро; затем это дно поднимается, образуя умеренно высокое плато, на котором выстроена официальная часть города, и наконец в самой южной своей части быстро и круто падает под уровень моря, покрываясь небольшой бухтой Петропавловского порта. На упомянутом плато, между бухтой и озером, расположены, окаймляя улицы и площади, почти исключительно казенные дома, стоящие очень просторно; число этих домов, по сведениям канцелярии губернатора, простиралось до 40. Посередине, на свободной площади, помещается православная церковь; далее – большой губернаторский дом, окруженный садом, канцелярия, госпиталь, аптека, несколько казарм для команды, некоторое число жилых зданий для офицеров и чиновников, квартиры духовенства и здания Российско-Американской Компании. К этой лучшей выстроенной казенной части города непосредственно примыкает неофициальная, расположенная вдоль всего восточного берега маленькой губы и образующая пять параллельных с ним вытянутых рядов. Начиная от самой воды и распространяясь на одну треть высоты Шестаковской пади¹⁷, постепенно поднимаются дома с их небольшими огородами; домов здесь всего 116. Весь Петропавловск построен исключительно из дерева, причем все частные дома крыты тростником и длинной травой, казенные же – железом. В самом конце бухты, непосредственно на берегу, стоят строения морского ведомства: гауптвахта, несколько магазинов¹⁸, пекарня и несколько небольших мастерских. Девять маленьких ключевых ручьев текут по небольшим ущельям и рвам с горы и протекают через городок, доставляя обывателям прекрасную ключевую воду для питья».

Вот что писал другой современник:

«Город выстроен почти в долине, на пологих подошвах двух огромных гор, с правой Березовой, а с левой Никольской, в виду вечно курящейся сопки Авача, у самой Петропавловской

¹² Речь идет о построенном в 1850 году Дальнем маяке, о котором рассказ ниже.

¹³ Корякская сопка.

¹⁴ Авачинская сопка.

¹⁵ Козельская сопка.

¹⁶ Современное название – Мишенная сопка.

¹⁷ Современное название – Петровская сопка.

¹⁸ Складов.

бухты. Он состоит с небольшим [из] около трехсот одноэтажных деревянных домов, так как здесь частые землетрясения, церковь почти в середине, дом начальника, а ныне Губернатора Камчатки, на правой возвышенности; от него по косогору тянется сад, около некоторых домов частокотом обнесены огороды, все пространство между домами поросло густою муравою, тропинки тянутся по разным направлениям, езды в экипажах нет никакой; местами, подле домов, протекают горные ключи.

В летнее время этот маленький городок, подымаясь из зелени, представляет живописный вид, окруженный горами, некоторые из них покрыты сплошным цветом диких роз, рододендум¹⁹, жимолости и лилий».

Несмотря на то что Петропавловск являлся основной базой снабжения Русской Америки, житье в нем, как мы помним, трудно было назвать в буквальном смысле хлебным.

«Булки²⁰ подаются лишь изредка как величайшее лакомство; сахар к чаю дается вприкуску, почти внаглядку», – писала позже жена камчатского губернатора Юлия Завойко. Главным продовольственным ресурсом была рыба, хотя ее улов разнился год от года.

Поскольку Петропавловск был самым восточным городом Российской империи, почта и курьеры добирались до него, мягко говоря, небыстро. И всякий раз по-разному. Вот, к примеру, сколько требовалось гонцам из различных точек Восточной Сибири, чтобы попасть, как говорится, из пункта «А» в пункт «Б» в первой половине 1850-х годов:

Петропавловск – Санкт-Петербург. 27 мая – 28 сентября.

Якутск – Санкт-Петербург. 28 сентября – 16 ноября.

Иркутск – Санкт Петербург. 28 апреля – 29 мая.

Иркутск – Николаевск-на-Амуре. 11 мая – 28 июня.

Иркутск – Николаевск-на-Амуре. 25 октября – 14 февраля.

«По местным обстоятельствам Камчатки почта отходит оттуда два раза в год, именно в Мае и Декабре месяцах, а потому не получающие долго известий из этого отдаленного края не должны беспокоиться», – предупреждал читателей в 1854 году официальный орган Морского министерства Российской империи журнал «Морской сборник».

Современники отмечали, что сроки получения почты зависели не только от работы почтарей и курьеров, но и от действий... камчатского начальства, пусть даже и не имевшего отношения к почтовому ведомству империи:

---

¹⁹ Рододендронов.

²⁰ Имеется в виду хлеб из пшеничной муки.

Юлия Завойко

«Давно, очень давно, когда в Камчатке еще и не думали о губернаторах, а довольствовались обыкновенным областным управлением, начальник этого отдаленного края выкидывал для препровождения времени следующую штуку: по приходе почты он отбирал все казенные бумаги и частную корреспонденцию, последнюю раздавал по рукам, по первой делал соответствующие и зависящие от него распоряжения и потом, собрав и отложив в сторону все журналы и газеты, он раздавал их не вдруг, а в обыкновенные петербургские сроки, т. е. газеты ежедневно, журналы ежемесячно, чем без сомнения желанные результаты были им вполне достигнуты».

А как прикажете относиться к такой, как утверждают, вполне правдоподобной истории, также по почтовой линии:

«Рассказывают довольно правдоподобный анекдот: Почта в Камчатку ходила прежде раз летом из Охотска – морем, и раз зимою – берегом, чрез Ижигу²¹; в этих редких сообщениях, может-быть, и забыли о Камчатке во время нашествия иноплемеников, и вдруг, спустя долгое время, когда Наполеон был уже заключен на остров Эльбу, жители Камчатки читают в журналах: о ужас! Что это? Наполеон собирается на Россию. Слушайте!.. Слушайте! Ведь супостаты перешли Неман. Общее изумление оковало всех, так как читать новости собира-

---

²¹ Гижигу.

лись обществом. Возможно-ли? что дальше?... продолжайте. Смоленск взят... что, что?... Да, Смоленск взят... Видно, Господь Бог наказует нас по грехам, проговорило небольшое общество и отправилось в церковь, молиться за спасение отечества от нашествия врага. Потом снова принялись читать и не могли окончить – Москва взята!.. Взята первопрестольная! Злато-главая! Белокаменная! И кто даже не видал Москвы, не слышал о чудесах ее архитектуры, плакал о ней, как о своей матери, безутешными рыданиями малолетнего сына, опускающего в могилу родную мать. Где-то этот антихрист, этот огненный аполион²², и скоро ли он сюда явится?

Опасения были страшные; но одно еще утешало, что привезший почти из Охотска ничего еще не слышал такого сумнительного и, наверное, узнал бы от своих, если бы Французы, или какая-нибудь басурманичина завелась поблизости в Якутске. Долго ли горевали в Камчатке о взятии Москвы не знаем; но можно сказать достоверно, что быстр был переход от горя к радости: веселыми криками провожали они разбитого неприятеля и оставляли его только тогда в покое, когда шумная радость требовала шумного подкрепления вином, выпитым по этому случаю без счета и без меры».

А вот как перепугались петропавловские обыватели в 1805 году, когда к городу подошел шлюп Ивана Крузенштерна «Надежда», ожидавшийся в другое время:

«Приближение наше в сей раз к Петропавловску произвело в жителях оногo немалой страх. Они знали, что отсутствие наше долженствовало продолжаться два месяца; однако им казалось невероятным, чтоб могло то последовать с такою точностию. Почему, увидев наш корабль, не верили, чтоб это был он действительно; другого же одинаковой с ним величины Российского судна не могли они ожидать никакого: и так заключив, что идет к ним корабль неприятельский, начали многие уже из них уходить с имуществом своим на близлежащие горы. Со страхом несовместен хладнокровный рассудок, Петропавловцам казалось вероятнее, что неприятельской фрегат обошел полсвета для того, чтоб овладеть их местечком, коего все богатство состоит только в некотором количестве сушеной рыбы и где фрегат найдет провизии едва ли на полмесяца, нежели думать, что мы возвращаемся к ним в назначенное время и невзирая на то, что по последним за полгода назад известиям знали они, что Россия ни с кем не воевала; однако не прежде успокоились, пока не пришел к ним солдат, занимавший пост свой на горе близ входа в порт, и не уверил их, что наводящий страх корабль должен быть точно “Надежда”, как по всему своему виду, так особенно по весьма короткой в сравнении с другими кораблями бизань мачте. Сей опытный солдат, бывший в Экспедиции Биллингса²³, почитался разумеющим таковые вещи, почему и поверили ему с радостию».

Как и любой плохо снабжаемый отдаленный регион, Камчатка отличалась изрядной дороговизной. Постройка уже упоминавшегося нами склада обошлась Российско-Американской компании десять тысяч рублей, «хотя в самом Петербурге не стало бы оное никак больше нескольких сотен».

Или другой пример. Пуд соли, производимой в порту Охотск (одном из основных пунктов снабжения самого Петропавловска), обходился казне в 28 рублей, поэтому гораздо дешевле было возить ее с Гавайев. Для справки – расстояние от Петропавловска до гавайской столицы Гонолулу составляет приблизительно пять тысяч километров. До Охотска – около тысячи двухсот.

Правительство, впрочем, предпринимало меры для того, чтобы сделать перевозки на Дальнем Востоке выгодными как для мореплавателей, так и для владельцев груза. С 1846 года были установлены новые расценки на доставку пассажиров и разного рода багажа между сибир-

²² Злой дух в Апокалипсисе, которому назначено руководить Антихристом.

²³ Иосиф (Джозеф) Биллингс – капитан-командор, британец на русской службе. Исследователь северной части Тихого океана.

скими²⁴ портами. Перевозка пассажира стала обходиться в 1,7 рубля, пуда груза – в 30 копеек. За шкурку меха следовало заплатить от 3 до 30 копеек, а за спиртное – 14,5 копейки с каждого ведра²⁵ (с 1851 года тариф в этом случае вырос до 30 копеек).

Что же касается Петропавловска, то за перевозку пуда груза между ним и поселениями Аян и Охотск была установлена плата в размере 60 копеек с пуда. 35 % из этих сумм шли экипажу судна, а остальное – Морскому министерству.

В первой половине 1850-х годов в Петропавловске уже имелась (благодаря деятельности нового начальника Камчатки Василия Завойко, о котором пойдет разговор несколько ниже) оборудованная эстакадная пристань. Согласно штатам порта, утвержденным в марте 1851 года, в нем должен был быть капитан (он же помощник губернатора Камчатской области) с помощником, секретарь, бухгалтер с помощником, 2 кондуктора²⁶, 14 вахтеров²⁷, 8 подшкиперов²⁸, 8 баталеров²⁹, 23 унтер-офицера и 20 писарей-делопроизводителей. Впрочем, судоремонтные мощности порта были более чем скромными.

---

²⁴ То есть дальневосточными.

²⁵ Ведро – русская мера объема, равнявшаяся 12,3 литра.

²⁶ Аналог современного мичмана – сверхсрочника.

²⁷ Смотрителей запасов и складов.

²⁸ Подшкипер – унтер-офицер, ведавший каким-либо имуществом.

²⁹ Баталер – унтер-офицер, отвечавший за заготовку и хранение продовольствия и алкоголя.

Причины войны

Хотя темой этой книги является оборона Петропавловска, все, имевшее место на Русском Дальнем Востоке, было лишь отголоском событий, происходивших в Европе.

«Война есть не что иное, как продолжение государственной политики иными средствами», – писал в своем знаменитом труде «О войне», вышедшем уже после смерти автора, прусский генерал-майор, директор Прусской военной академии и военный теоретик Карл Филипп Готтлиб фон Клаузевиц.

Эта фраза знакома, пожалуй, всем профессионально занимающимся и просто интересующимся военной историей. Мы же позволим себе напомнить еще несколько фрагментов из этого труда, возможно – менее известных, поскольку они, по нашему мнению, целиком и полностью относятся и к Восточной (Крымской) войне. Как, впрочем, и к любой другой.

«Итак, война – это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю...»

Таким образом, всякие изменения, вызываемые продолжением военных действий, должны ввести противника в еще более невыгодное положение; по меньшей мере таково должно быть представление противника о создавшейся обстановке. Самое плохое положение, в какое может попасть воюющая сторона, это – полная невозможность сопротивляться. Поэтому, чтобы принудить противника военными действиями выполнить нашу волю, мы должны фактически обезоружить его или поставить в положение, очевидно угрожающее потерей всякой возможности сопротивляться. Отсюда следует, что цель военных действий должна заключаться в том, чтобы обезоружить противника, лишить его возможности продолжать борьбу, то есть сокрушить его...

Война – не только политический акт, но и подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, проведение их другими средствами...

Война не всегда является свободным решением политики, и менее всего она бывает такою там, где силы крайне неравны; следовательно, на войне мыслимо всякое соотношение сил, и странной была бы теория войны, которая ретировалась бы как раз там, где в ней нужда будет наибольшая...»

Но вернемся к Восточной (Крымской) войне, начавшейся спустя 22 года после смерти генерала фон Клаузевица.

Основной из главных причин начала войны было нежелание Великобритании допустить Россию к контролю так называемых *Черноморских проливов* (или просто *проливов*) – Босфора и Дарданелл. Вплотную к этому правительство императора Николая Первого подошло после мятежа египетского властителя Мохаммеда Али в 1831–1833 годах. Тогда Российская империя оказалась единственной великой державой, поддержавшей военной силой правительство турецкого султана Махмуда Второго.

Залив Золотой Рог в Константинополе. С картины Алексея Боголюбова

Восьмого февраля 1833 года на берегах Босфора появилась русская эскадра в составе четырех линейных кораблей и пяти фрегатов под флагом начальника штаба Черноморского флота контр-адмирала Михаила Лазарева, героя Наваринского морского сражения и кругосветного мореплавателя. Силы эскадры подкреплялись 30-тысячным десантом. Этот поход позже получил название *Босфорской экспедиции*.

Последовавший затем Ункяр-Искелесийский договор 1833 года предусматривал не только и не просто военный союз. Дополнительная, секретная, статья договора декларировала в случае открытия военных действий закрытие пролива Босфор для флотов любых стран (кроме, естественно, кораблей Турции и Российской империи).

Англичане предприняли все возможные меры для изменения status quo и, как обычно, добились своего. В 1841 году, после истечения срока договора, он был заменен на новую конвенцию, Лондонскую, в которой пункта о преимущественных правах Российской империи уже, естественно, не было.

В целом в период между Наполеоновскими войнами и началом 1850-х годов Санкт-Петербург представлялся официальному Лондону (да и британскому общественному мнению в основной своей массе) главным политическим противником. Как на Ближнем Востоке и на Кавказе, где англичане активно поддерживали (в том числе и оружием) воинственные горские племена, так и в Средней Азии. Туманный Альбион опасался любых действий, которые могли бы поставить под сомнение гегемонию Лондона в Южной Азии. Особенно после провала британской экспедиции по подчинению Афганистана в 1838–1842 годах. Кто знает, вдруг властный Николай Первый решит присоединить к своим владениям и Индию, считавшуюся жемужиной в короне британских монархов?

Император Наполеон Третий

Но одной из главных прямых предпосылок для начала Восточной войны стало унижительное послание Николая Первого новому французскому императору Наполеону Третьему. Помня, что на Венском конгрессе 1815 года династия Бонапартов была признана нелегитимной, российский император обратился к своему новому коллеге «*Monsieur mon ami*» («дорогой друг») вместо единственно допустимого по протоколу «*Monsieur mon frère*» («дорогой брат»). Это было особенно неприятно свежеепеченному монарху, учитывая то, что к власти Наполеон пришел в результате военного переворота и его титул признавался многими довольно условно – родственные связи Наполеона Первого и Наполеона Третьего (иронично названного

в 1852 году писателем Виктором Гюго «Наполеоном Малым»³⁰) были, мягко говоря, довольно сомнительны.

Император Николай Первый. С картины Франца Крюгера

Была и другая причина – религиозная.

Россия издавна соперничала с Францией за право покровительствовать христианам, проживавшим на территории Османской империи, а к 1840-м годам споры разгорелись вокруг контроля над Вифлеемской церковью Рождества Христова. Париж напоминал про договор со Стамбулом 1740 года – по нему Франция получала право контроля над христианскими Святыми местами в Палестине. Россия, в свою очередь, обращала внимание на султанский фирман³¹ 1757 года, восстановивший права Православной церкви в Палестине, а также Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 года, дававший России право защищать интересы христиан в Османской империи.

Как результат, обе стороны требовали передать ключи от церкви «своим» – соответственно, католикам и православным (у последних, впрочем, они и так исторически были в

---

³⁰ Napoleon Le Petit.

³¹ Указ, декрет.

руках). Поскольку турки не хотели ссориться с Россией и ключи не отбирали, Франция прислала в Стамбул – откровенно нарушив Лондонскую конвенцию – боевые корабли. Ключи пришлось передать католикам.

Русский канцлер Карл Нессельроде в ответ заявил, что Санкт-Петербург не потерпит оскорбления, после чего началась переброска русских войск на границу вассальных Турции княжеств Валахия и Молдавия.

В феврале 1853 года в Стамбул (в России его называли исключительно по-старому – *Константинополем*) направляется дипломатическая миссия светлейшего князя адмирала Александра Меншикова, начальника Главного Морского штаба и прямого потомка «полудержавного властелина». В ответ Франция усиливает эскадру в Средиземном море, а британский посол делает все, чтобы убедить султана Абдул-Меджида Первого в необходимости удовлетворения русских требований. «Удовлетворение», правда, было весьма своеобразным – очередной фирман владыки правоверных декларировал нерушимость прав «греческой церкви» на Святые места. Но – без каких-либо преференций для Российской империи.

Князь Александр Меншиков. С картины Франца Крюгера

21 мая 1853 года разгневанный Меншиков отбыл из Константинополя, а 1 июня Россия разорвала дипломатические отношения с Турцией. В конце июня русские войска стали входить в Молдавию и Валахию, ставшие залогом, *«доколе Турция не удовлетворит справедливым требованиям России»*. Англичане в ответ усилили свою Средиземноморскую эскадру.

Обстановка стала накаляться.

Впрочем, войны можно было еще избежать – спешно собравшаяся в Вене конференция великих держав в составе представителей Великобритании, Франции, Пруссии и Австрии выработала компромиссную ноту. России предлагалось вывести войска в обмен на признание (пусть и чисто номинальное) права на защиту православных и контроль над святынями в Святой Земле. Николай Первый, со своей стороны, был согласен, но тут против Венской ноты выступил султан – как утверждают, не без усилий британского посла. Как результат, дипломатический документ подвергся серьезному редактированию, и это была уже новая нота, на которую щепетильный в таких вопросах российский император уже не согласился.

Лунный вечер в Константинополе. С картины Алексея Боголюбова

27 сентября Турция ультимативно потребовала в двухнедельный срок вывести войска из Дунайских княжеств, а 4 октября объявила Российской империи войну. 20 октября ответный шаг сделал и Санкт-Петербург.

Теперь самое время сказать, что у будущих союзников – Великобритании, Франции и Турции – взаимоотношения были также весьма непростыми.

Отношение французов к России, например, было более чем двойственным. С одной стороны, в стране живы были идеи реванша после разгрома «первой» наполеоновской Франции, но они равно относились и к другим странам, включая Великобританию, Австрию и Пруссию. С другой стороны, все прекрасно помнили и понимали, что извечным врагом Французской империи является исторически Великобритания. Что же касается открытой войны с Россией, то Наполеон Третий был готов принять в ней участие в одном лишь только случае – при условии полноценного военного союза с Лондоном.

Кроме того, французский император вовсе не собирался ни усиливать Англию, ни излишне ослаблять Россию. Он хотел добиться того, чтобы Францию снова начали считать гегемоном Европы. То есть – ослабить обоих противников, обеспечив лидерство собственной державы. Забегая вперед, скажем, что в какой-то мере Наполеону Третьему это удалось – мирная конференция 1856 года пройдет именно в Париже.

Если же говорить о Великобритании, то здесь во главу угла была, как обычно, поставлена торгово-промышленная проблематика. Традиционно свысока относившаяся к французам британская пресса только с начала 1853 года резко сменила тон. Достаточно сказать, что окружение императора французов перестали называть сборищем *«паразитов, сводников и проституток»*.

Даже не слишком жалуемым в Европе туркам на Туманном Альбионе быстро привесили ярлык сторонников *«цивилизационных преобразований»*. Причина была проста – через Черное море проходил основной торговый путь в Иран и далее в глубины Азии, а англичане не хотели ставить под удар свои внешнеэкономические интересы. Тем более если что-то можно было сделать чужими руками. Говоря иначе, правы, возможно, были историки и политики, видевшие одной из главных причин войны борьбу Великобритании против русского торгового протекционизма и экономики в целом.

Долгой войны в Лондоне не хотели и не ждали.

Британский министр внутренних дел и будущий премьер Джон Генри Пальмерстон был уверен в том, что с Российской империей будет быстро покончено (падения Севастополя он ожидал уже через неделю после начала осады³²). Его программа раздела империи выглядела следующим образом:

«Аландские острова и Финляндия возвращаются Швеции³³; Прибалтийский край отходит к Пруссии; королевство Польское должно быть восстановлено как барьер между Россией и Германией; Молдавия и Валахия и все устье Дуная отходят Австрии, а Ломбардия и Венеция – от Австрии к Сардинскому королевству; Крым и Кавказ отбираются у России и отходят к Турции, причем на Кавказе Черкессия образует отдельное государство, находящееся в вассальных отношениях к Турции».

³² Севастополь, правда, нарушил планы министра и продержался почти год.

³³ К слову, втравить в войну Швецию союзникам так и не удалось.

Сливовый пудинг в опасности. С карикатуры Гилроя

Надо сказать, что с начала XIX века Великобритания, казалось, думала только о том, как бы прирастить свою территорию и сферу влияния – если не официально, то экономически. В 1805 году британский карикатурист Гилрой опубликует свою знаменитую карикатуру – «Сливовый пудинг в опасности». На картинке английский король Георг Третий и французский император Наполеон Первый делят земной шар. Французу достается Европа, а англичанину – океан.

Хотя к середине XIX века император Наполеон Первый канул в небытие, аппетиты Британии остались прежними. Так что у нее были причины опасаться влияния России – заслуженно и потенциально. Как-никак это была крупнейшая держава Евразии, с мощной армией и флотом.

«Рука Российской империи» искалась и всегда находилась в любой точке, где гегемония Великобритании могла быть поставлена под минимальное сомнение. Всем в Уайтхолле постоянно слышалось мрачное дыхание русского медведя, приносившего к той или иной территории, которая нужна была Британской империи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.